

DOI 10.15593/2224-9354/2017.1.5

УДК 316.356

Г.С. Пак, Е.Б. Ходырева

УСЫНОВЛЕНИЕ КАК КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО РОДСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Обосновывается необходимость различения биологического и социального родства в социологическом исследовании феномена усыновления. Степень тождества биологического и социального родства является критерием успешности усыновления. Усыновление является сложным, многомерным явлением, и трудность его анализа обусловлена необходимостью поиска адекватной интегративной методологии. Критический анализ существующих теоретических подходов в социологическом знании, которые пытаются отразить двойственность общественной жизни как диалектики объективного и субъективного, позволяет выявить их общую методологическую основу: общество создается деятельностью людей, общество конструируется людьми. Различие между деятельностным и конструктивистским подходом лежит в плоскости цель – смысл. Авторами обосновывается эффективность конструктивистского подхода в версии, предложенной П. Бергманом и Т. Лукманом в исследовании феномена усыновления. Смысл усыновления возникает на основе тех знаний, которые имеет в своем арсенале повседневный деятель, и носит конкретно-исторический характер. Институализация усыновления осуществляется в рамках определенного символического универсума. Трансформация института усыновления и изменение смысла усыновления как повседневной практики обусловлены переопределением реальности, изменением символического универсума. В дореволюционной России незаконнорожденный ребенок не имел никаких прав и не был защищен законодательством, а Советская власть признала его полноправным гражданином. Конструктивистский подход дает возможность ответить: что происходит и что за этим кроется в исследовании феномена усыновления.

Ключевые слова: усыновление, биологическое и социальное родство, деятельностный и конструктивистский подходы, социология знаний, усыновление как повседневная практика, институализация усыновления, трансформация института усыновления и изменение социальных практик.

Социологический анализ феномена усыновления с необходимостью предполагает различение родства, основанного на происхождении и родства, основанного на свойстве, т.е. образованного в результате брака. Раньше только антропологи обращали внимание на различие биологического и социального родства. Но без этого различения социологу нельзя обойтись в исследовании института усыновления. Биологическое родство является универсальной константной, природной характеристикой. Бросив ребенка, отказавшись или сбежав от родителей, можно этими действиями разрушить социальное родство,

---

© Пак Г.С., Ходырева Е.Б., 2017

Пак Галина Станиславовна – д-р филос. наук, профессор кафедры социальной философии ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», email: galinapak5@gmail.com.

Ходырева Елена Борисовна – аспирант кафедры социологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», email: hodyreva.elena2012@yandex.ru.

биологическое родство при этом никуда не исчезает. Заключение брака представляет собой установление социального родства, которое исчезает в результате развода. Но если в браке рождены дети, родство между супругами становится биологическим, опосредованным наличием общих детей. Социальное родство трансформируется в биологическое родство. Семья представляет собой интересный феномен переплетения биологического и социального родства. Бездетная семья остается формой социального родства. В случае усыновления/удочерения она перестает быть бездетной, но при этом сохраняет и лишь расширяет существующую форму социального родства. В этом контексте усыновление и удочерение имеет смысл рассматривать как социальное действие, целью которого является создание социального родства.

Трудность социологического исследования феномена усыновления обусловлена тем, что как объект научного познания усыновление представляет собой сложное, многомерное явление. Его проблематика относится к ведению социологии семьи, к изучению мира детства, к правовому регулированию усыновления со стороны государства, требует анализа принципов организации и деятельности социальных служб, которые задействованы в этом процессе. В условиях глобализации и сложившихся практик международного усыновления необходимо учитывать отношения между государствами, участвующими в данном процессе. В современном динамичном мире характер конфигурации межгосударственных отношений постоянно меняется. То или иное политическое событие или событие, которому придают политическую окраску, в мгновение ока могут разрушить устоявшиеся, складывавшиеся с таким трудом многолетние отношения между государствами. Таким образом, даже если просто ограничиться перечислением субъектов, участвующих в процессе усыновления, мы имеем следующие уровни взаимодействия: индивидуальная интеракция (взаимодействие лицом к лицу); усыновители и представители социальных служб; правовое регулирование отношений между потенциальными родителями и усыновляемыми. В случае международного усыновления добавляется взаимодействие между государствами. Выделение уровней и субъектов взаимодействия – это всего лишь полезная абстракция, которая должна быть конкретизирована. В этом случае перед исследователем встает задача поиска адекватной методологии. Для изучения индивидуально-личностного взаимодействия предпочтительными являются этнометодология, символический интеракционизм, социология повседневности. Эффективность системного подхода в исследовании взаимодействия политической и социальной сфер доказана многолетней научной традицией. В случаях международного усыновления речь должна пойти о взаимодействии различающихся систем. Необходима ревизия теоретического и методологического арсенала всего социологического знания для поиска интегральной методологии. Не желая этого, мы сталкиваемся с важнейшей проблемой со-

циологии как науки. Самый простой выход состоит в признании многопарадигмальности социологического знания. П. Монсон в своей работе «Лодка на аллеях парка» исходит из признания трех парадигм социологического знания – объективистской, субъективистской и активистской, в основе которых лежит различный теоретико-познавательный интерес: объяснить, понять или изменить [1, с. 34].

В случае социологического анализа феномена усыновления хочется всего сразу: и объяснить, и понять, и изменить. Научное познание социальных процессов предполагает и описание того, что происходит, и выявление существенных характеристик и смыслов происходящего, и, безусловно, социолог хочет дать практические рекомендации по усовершенствованию социальной реальности. Впрочем, к чему лукавить, в реальных социологических исследованиях мы имеем дело с двумя вариантами сочетания теоретико-познавательных интересов: объяснить и предложить перспективное направление социальных изменений; понять и дать практические рекомендации по усовершенствованию социальных практик. Таким образом, активистская парадигма выступает в виде общей цели или направленности исследования как при объективистском, так и субъективистском подходе. Основная проблема социологического знания состоит в поиске такого теоретического похода, который бы позволил раскрыть диалектику объективного и субъективного. Как в истории социологии, так и в современной теоретической социологии мы находим различные варианты решения проблемы. В марксистской традиции она формулируется как проблема соотношения объективных условий и субъективного фактора, опредмеченной и живой человеческой деятельности. Понятие классовой борьбы в марксизме по праву занимает центральное место не только в идеологическом плане, но и в теоретическом. Борьба классов – это та движущая сила, которая объективирует субъективное и разрушает объективное. Для французского социолога П. Бурдьё эта проблема приобретает вид антиномии между объективной структурной необходимостью и индивидуальными целеполагающими действиями. Французский социолог видит выход в синтезе структуралистского и конструктивистского подходов. Он предлагает концепцию двойного структурирования социальной действительности. Общество структурируется как объективными социальными отношениями, так и представлениями агентов об этих отношениях. Так появляются широко известные его понятия «поле» и «габитус». Диалектический синтез структур и габитусов осуществляется в практике. П. Бурдьё в своей деятельности стремился уйти от неизбежности выбора между субъективизмом и объективизмом. Тем не менее выбор им сделан, когда он подчеркивает первичность объективного структурирования по отношению к субъективному структурированию социальной реальности [2, с. 121]. Логика П. Бурдьё в известной степени воспроизводит логику сторонников марксизма [3, с. 13]. Другим, не менее

известным, вариантом решения проблемы соотношения объективного и субъективного является теория структуризации Э. Гидденса. Теория структуризации включает в себя понимание человеческого поведения как социального действия, сфокусированного на структурных компонентах институтов и обществ. Основное отличие природы и общества как объектов познания заключается в том, что природа не производится человеком, а общество умело конструируется человеческими существами. «Каждый член общества является практикующим социальным теоретиком: осуществляя любого рода социальные взаимодействия, он обычно обращается к своим знаниям и теориям, и именно использование этих практических ресурсов есть условие осуществления взаимодействия вообще» [4, с. 16]. Британский социолог считает, что его теория структуризации способна преодолеть разрыв между структурой и действием. Э. Гидденс пишет о дуальности структуры, которая раскрывается через анализ стратегического поведения и институциональный анализ. Он проводит аналогию между дуальностью структуры и пониманием языка у Ф. Сосюра: язык представляет продукт коллективной деятельности, а речь всегда представлена индивидуальным исполнением.

В рассмотренных теориях П. Бурдье и Э. Гидденса, созданных для преодоления изначального дуализма общественной жизни, есть общее основание. Социальная реальность анализируется как процесс ее конструирования индивидуальными социальными практиками. Конструктивистский подход получил широкое распространение в современном социально-гуманитарном знании. Например, в научном альманахе «Вопросы социальной теории», вышедшем в 2015 году, целый том посвящен исследованию проблемы человеческого конструирования. В нем проясняются теоретические предпосылки конструирования социальной реальности, анализируются субъекты и практики социального конструирования человеческой реальности, с позиций конструктивистского подхода исследуются актуальные проблемы формирования гражданского общества в России [5, с. 211].

Преобладающий долгое время деятельностный подход в социально-гуманитарном знании постепенно вытесняется конструктивистским. Суть деятельностного подхода можно выразить словами К. Маркса: «История есть ничто иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [6]. Формулировка современного видения социальной реальности четко дана Ю.М. Резником: «Смысловое содержание человеческого бытия есть исходный предмет философии конструирования человека» [7, с. 10]. Выявленное различие представляет собой дихотомию: цель – смысл. Цель формируется в ходе конкретной общественно-исторической практики, а смысл является результатом познавательной деятельности. Синонимом конструктивистского подхода в социологии является социология знания. Путь размышлений в социологии знания обеспечивается утверждением социальных фактов как вещей у Э. Дюркгейма,

и анализом объекта познания как у М.Вебера, под которым он понимал совокупность субъективных значений человеческих действий. «Социология знания имеет дело с анализом социального конструирования реальности», – подчеркивается авторами работы «Социальное конструирование реальности» П. Бергером, Т. Лукманом [8, с. 13]. В русле конструктивистского подхода в социологии речь идет не о смысле как таковом, а о человеческом знании, которое обеспечивает каждому отдельному человеку смысловой порядок повседневной жизни. Представители конструктивистского подхода задачу социологии как науки видят в том, чтобы она была способна ответить на два вопроса: «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Эти формулировки предложены Н. Луманом. Он отдает себе отчет в том, что при столь различных вопросах трудно сохранить единство дисциплины, но это все-таки возможно. «Обрести единство через различие, обрести единство как единство различия – это кажется парадоксальной теоретической программой, но именно так и задумано» [9].

Эти два вопроса, в формулировках Н. Лумана, мы ставим перед собой в исследовании института усыновления. При этом открыто признаем, что в большей степени будем следовать логике авторов «Трактата по социологии знания», чем идеям Н. Лумана, который обосновывает необходимость «системной теории» общества [10, с. 25]. Не последнюю роль в данном случае играет соображение, высказанное Н.А. Головиным в диалоге с Н. Луманом: «Господин проф. Н. Луман, Ваши работы в области социологической теории являются трудными для понимания, так как основаны на оригинальном, высокоабстрактном понятийном аппарате. Существует ли возможность уменьшить эту трудность, сделать изложение более наглядным, может быть, даже образным?» Н. Луман: «Думаю, так дело не пойдет» [11].

Первое требование конструктивизма обязывает нас к рассмотрению любого социального феномена в реальности повседневной жизни. Феноменологический анализ является наиболее адекватным методом для прояснения оснований знания в «верховой реальности», каковой является реальность повседневной жизни. «Феноменологический анализ повседневной жизни, или, скорее, даже ее субъективного восприятия, воздерживается от причинных и генетических гипотез так же, как и от утверждений относительно онтологического статуса анализируемых феноменов. Важно это помнить. Обыденное сознание содержит много до- и квазинаучных интерпретаций повседневной жизни, которые считаются само собой разумеющимися» [8, с. 39]. Поэтому, прежде всего, мы обратимся к интерпретациям усыновления.

С завидной регулярностью работы по усыновлению начинаются со следующих подобных высказываний. Первое: усыновление как «искусственное сыновство» практиковалось на заре человеческой истории. Второе: смысл усыновления состоял в сохранении численности и жизнеспособности общно-

сти. Третье: усыновляемый не мог продолжать существование в одиночку; для него усыновление было единственным способом выжить. Четвертое: превращение чужака в родственника сопровождалось обрядовыми действиями. Теперь по порядку.

Первое. О какой «зарей» человеческой истории идет речь? Современный смысл усыновления предполагает наличие моногамной или парной семьи. Современные люди считают само собой разумеющимся, что лучше всего, когда ребенок воспитывается в семье. Кстати, во многих странах мира это право законодательно закреплено. Таким образом, усыновление становится возможным начиная с эпохи патриархата. «Зарей» человеческой истории был матриархат.

Второе. Подобный смысл усыновления может дать только сторонний наблюдатель, отделенный от происходящего несколькими веками. Это приписываемый смысл. Вопрос о смысле, вкладываемом самими участниками в данное социальное действие, является открытым.

Третье. Мог все-таки или не мог усыновляемый выжить в одиночку? Ведь, как правило, речь идет в тексте о взрослых людях? Думал ли он так сам, или так считает исследователь?

Четвертое. С этим положением следует согласиться. Ритуальные действия, имитирующие роды, вписываются в мифологическую картину мира, разделяемую всеми участниками взаимодействия. Такое «искусственное сыновство» не может рассматриваться как прообраз современного института усыновления. Речь в примере идет о практиках конструирования родства на «зарей» человеческой истории.

История института усыновления начинается с древней семьи с патриархальным отцом семейства во главе. Это была расширенная семья. В нее входили не только родители и дети, но и рабы, и принятые в семью (примаки). Цель усыновления была очевидной – иметь наследника, который поминал бы души бездетных супругов. Будущие родители руководствовались тем знанием, которое является повседневным, разделяемым с другими людьми в привычной повседневной жизни. Это знание того, что душа усопшего требует принесение ей жертв, но это могли сделать только собственные дети. Так происходит становление института усыновления. Под институтом мы понимаем типизацию привычных, понятных действий. Речь идет о постулате взаимозаменяемости перспектив, который сформулировал А. Шюц. Типологизм повседневности обосновывается общим тезисом «о взаимозаменяемости перспектив», который распадается на два постулата. Постулат о взаимозаменяемости точек зрения: я верю и предполагаю, что другой, оказавшись на моем месте, поступит точно так же, как и я. И наоборот. Второй постулат о совпадении «систем релевантностей». Человек принимает на веру и предполагает, что другой поступает точно так же, что уникальность каждого, обусловлен-

ная биографической ситуацией, безразлична к наличным целям повседневного деятеля. Пока не доказано обратное, считается, что все люди интерпретируют мир наличных вещей и ситуаций одинаковым образом в той степени, в какой это необходимо для достижения любой практической цели [12, с. 129].

В ходе развития института усыновления возникает своеобразная коллизия биологического и социального родства. Правоведы обращают внимание на тот факт, что по мере укрепления частнособственнических начал в семейных отношениях все большее значение стало приобретать предписание: нельзя усыновлять своих незаконных детей. Тем самым создавались преграды на пути возможного посягательства на собственность усыновителя со стороны его незаконных детей. В науках о праве или в границах структурно-функционального подхода этим можно было бы и ограничиться. Но нас интересует смысл, который вкладывает в этот запрет повседневный деятель. В условиях тотальности христианского мировоззрения большинство людей были уверены, что дети отвечают за грехи своих родителей. Прелюбодеяние является одним из семи грехов. Заповедь гласит: не прелюбодействуй! Важно отметить, что биологическое родство признается лишь в том случае, если оно соответствует сложившимся культурным и социальным стандартам.

С момента своего возникновения государство как институт становится активным актором в процессе конструирования социального родства. Напомним, что с позиций конструктивистского подхода институализация существует там и тогда, где налично взаимная типизация обычных человеческих действий. Институциональные типизации, как правило, доступны пониманию и разделяются большинством повседневных деятелей конкретной социальной общности. Правовой институт устанавливает правило, согласно которому происходит процесс усыновления, кто может быть усыновителем и кто может быть усыновлен. Институты создаются постепенно в ходе общей истории. Сам факт существования института предполагает контроль за человеческим поведением.

До начала XIX века законов, посвященных именно усыновлению, не было. Но известно, что императрица Екатерина II в порядке исключения разрешила двум братьям графам Остерманам усыновить старшего внука их сестры. Подобного рода разрешение послужило в дальнейшем основанием для других усыновлений с согласия самой императрицы в каждом конкретном случае. С позиций институционального анализа важно отметить следующие моменты. Во-первых, государство берет на себя ответственность за соблюдение прав детей, тем самым выражая и защищая их интересы. Во-вторых, наличие потребности в практиках усыновления. В данном случае они были разрешены. В-третьих, речь идет о привилегированном сословии российского государства, о практиках усыновления среди низших слоев не упоминается. Вряд ли с просьбой об усыновлении к самой императрице могли обратиться

мещанин или крестьянин. Усыновление в низших сословиях осуществлялось стихийно, без вмешательства государства, поскольку отсутствовала соответствующая правовая база. Тем не менее усыновление регулировалось существующими традициями и обычаями, характерными для каждого из низших сословий.

Законодательство, посвященное усыновлению, стало развиваться в основном с начала XIX века. Указ, позволяющий бездетным дворянам усыновлять ближайших законнорожденных родственников «через передачу им при жизни фамилии и герба», появился 11 октября 1803 года [13]. Все указы по усыновлению обращали внимание на необходимость неукоснительного соблюдения принципа сословности. Государственные указы, регулирующие процедуру усыновления, имели двоякий смысл: способствовать сохранению и укреплению существующей сословной структуры и представлять интересы самого ребенка, его потребность в новой семье.

Мотивация самих усыновителей была различной, но доступной всеобщему пониманию. Наиболее распространенные мотивы: иметь наследника; усыновление по обещанию и по привязанности; усыновление за награду.

Возвращаясь к предложенному нами разграничению биологического и социального родства, мы вынуждены отметить, что, согласно законодательной базе российского государства, усыновление как социальное родство не совпадало с биологическим родством, а было лишь его подобием. Ограничения вводились на передачу своей фамилии усыновленному, который не приобретал права на пенсию усыновителя после его смерти, не имел равного права на наследование имущества усыновителя. В сельской местности усыновление давало возможность усыновителю приобрести дополнительные рабочие руки в домашнем хозяйстве. С помощью усыновления хозяйскому сыну можно было избежать призыва на армейскую службу, которого заменял усыновленный.

Последовательное развитие усыновления как конструирование социального родства было прервано Октябрьской революцией, которая претендовала на создание нового символического универсума. Устоявшийся веками порядок перестал казаться людям само собой разумеющимся не всем и не сразу. Социально осмысленное определение новой реальности существовало продолжительное время как революционная идеология. В качестве базиса собственной объективации она нуждалась в подобществах. П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что теории сочиняются для легитимации уже существующих социальных институтов. Но случается и так, что социальные институты изменяются для того, чтобы они соответствовали уже существующим теориям, дабы сделать их еще «легитимнее» [8, с. 207]. Октябрьская революция и есть тот случай, когда теория реализовалась в истории. История современных революционных движений свидетельствует о превращении революционных

интеллектуалов в «официальных» легитиматоров после победы революции. Любая революция есть трансформация символического универсума, разрушающего привычный повседневный мир деятеля. В этом смысловом горизонте мы и будем рассматривать деятельность советского государства по переопределению реальности и легитимации как объяснению и оправданию нового институционального порядка.

В первые годы своего существования советское государство вполне закономерно поставило перед собой цель сформировать нового советского человека – «новую женщину» и «нового мужчину». В первые три года существования Советской власти происходило экспериментирование не только в сфере сексуальных, но и семейно-брачных отношений. В этот период на повестку дня был выдвинут женский вопрос, который решался посредством «рассеивания» (дефамелизации) и политической мобилизации женщин. Целью являлось достижение фактического равенства мужчин и женщин в семейной сфере. Разрушение устоев буржуазной семьи и брака предполагалось достичь в результате изменения семейных практик. Заключение и расторжение брака упростилось до крайности. Совместному проживанию и супружеской верности внимания не уделялось. Вопросы об алиментах решались отделами социального обеспечения при народных комиссариатах исходя из нуждаемости и трудоспособности заявительниц. Существовала возможность установления отцовства в судебном порядке (за три месяца до разрешения от бремени). Доходило до абсурда, когда ответчик приводил свидетелей, утверждающих, что истица в момент зачатия могла сожительствовать с каждым из них. В этой ситуации биологического отца ребенка определить практически было невозможно. Суд мог решить взыскивать алименты в долевом отношении со всех предполагаемых отцов [14, с. 45]. Социальное экспериментирование с биологическим родством (отцовством) закономерно связано с законом, который уравнивал статус законнорожденных и незаконнорожденных детей. Если в дореволюционном символическом универсуме незаконнорожденный определялся как выродок, ублюдок, бастард, то Советская власть провозгласила, что дети не отвечают за своих родителей. Усыновление понималось как фикция, создающая искусственное родство, необходимость в ней отпала. Институт усыновления был упразднен. Предшествующие усыновления признавались и приравнивались к биологическому родству. Легитиматоры нового социального порядка обосновывали ведущую роль государства, а не семьи. В стране повсеместно росла детская беспризорность. Содержание огромного количества детских учреждений значительно увеличивало государственные расходы страны, находившейся в тяжелом экономическом положении в результате войн. В скором времени необходимость института усыновления была осознана.

С 1929 по 1934 год происходит «великий перелом» как традиционалистский откат в политике семейно-брачных отношений [15].

В годы Великой Отечественной войны усыновление детей, потерявших родителей, приняло массовый характер и стало своеобразным символом проявления патриотизма и гуманности. С 60–70-х годов XX века складывается общепринятое, разделяемое большинством, представление об усыновлении. Оно отвечало интересам ребенка, не допускало неоправданного нарушения прав его родителей и лиц, желающих усыновить ребенка.

В 90-х годах в нашей стране началось новое переопределение реальности, трансформация социальных институтов, привлекались и создавались уже другие теории для объяснения и оправдания становящегося порядка. Произошло переосмысление роли семьи в воспитании ребенка. Государство стало руководствоваться правом каждого ребенка воспитываться в семье. Следовательно, как никогда возрастает значимость института усыновления. Очередное изменение символического универсума, как и в предшествующем случае, привело к небывалому росту числа детей, оставшихся без попечения родителей. Теоретики стали обсуждать феномен «социального сиротства». На рубеже веков Россия стала одной из трех стран, лидирующих по количеству детей, отданных в другие государства на усыновление. В настоящее время в России существует судебный порядок усыновления, в том числе и международного. Для усыновления огромное значение имеет возраст ребенка, на каком этапе первичной или вторичной социализации он попадает в новую семью. В случае международного усыновления ребенка, первичная социализация которого произошла в родной стране, его перемещения в новый символический универсум и, следовательно, в условия другого институционального порядка необходима ресоциализация. Для ребенка это шоковая, стрессовая ситуация. Успешность усыновления будет зависеть от той атмосферы, которая царит в приемной семье как малой группе. Критерием успешности усыновления является степень совпадения социального и биологического родства. Противоречивость общественного мнения по поводу международного усыновления с позиций конструктивистского подхода объясняется неравным социальным распределением знания. Для анализа взаимодействия стран, участвующих в процессе усыновления, представляется теоретически адекватной идея взаимопроникновения систем. Н. Луман отмечает, что взаимопроникновение систем имеет место, когда одна система свою комплексность предоставляет в распоряжение другой системы. При этом важно помнить, что взаимопроникающие системы конвергируют в отдельных элементах (употребляют одни и те же элементы), «но каждая из них придает им разную выборочность и разную способность к подсоединению, разное прошлое и разное будущее» [16, с. 160].

Таким образом, применение конструктивистского подхода к социологическому анализу усыновления дает реальную возможность ответить на два вопроса: «Что происходит?» и «Что за этим кроется?».

Список литературы

1. Монсон П. Лодка на аллеях парка: введение в социологию: пер. с швед. – М.: Весь мир, 1994. – 96 с.
2. Бурдьё П. Начала / пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
3. Социоанализ Пьера Бурдьё // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 288 с.
4. Giddens A. New rules of sociological method. – L., 1976. – 196 p.
5. Вопросы социальной теории: науч. альманах. – 2013–2014. – Т. VII, вып. 1–2. Человек как субъект конструирования / под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой; Ин-т философии РАН. – М.: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2015. – 288 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Собр. соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 2. – С. 3–230.
7. Резник Ю.М. Философия конструирования человека: феноменологический подход // Вопросы социальной теории: науч. альманах. – 2015. – Т. 7, № 1–2. – С. 7–24.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
9. Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теории общества // Теоретическая социология: антология: в 2 ч. / под ред. С.П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 136–151.
10. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / под ред. А.О. Бороноева. – СПб.: Петрополис, 1994. – С. 25–42.
11. Социологические размышления: Интервью с проф. Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии. – СПб.: Петрополис, 1994. – С. 237–238.
12. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1998. – № 2. – С.129–137.
13. История усыновления в России [Электронный ресурс] // Проект Министерства образования и науки РФ / Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей. – URL: <http://www.usynovite.ru/experience/history/chapter1/> (дата обращения: 30.10.16).
14. Гойхбарг А.Г. Брачное, семейное и опекуновское право Советской республики. – М.: Госиздат, 1920. – 164 с.
15. Казьмина О.Е., Пушкарёва Н.Л. Брак в советской и постсоветской России // Семейные узы. Модели для сборки / под ред. С.А. Ушакина. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – Кн. 1, гл. II. – С. 185–218.
16. Буржуазная социология на исходе XX века: Критика новейших тенденций. – М.: Наука, 1986. – 279 с.

References

1. Monson P. Baten i Parken. Häftad. Prisma Bokförlag. 1994 [Russ. ed.: Burd'e P. Lodka na allejah parka: vvedenie v sociologiju. Moscow, Ves' mir Publ., 1994, 96 p.].

2. Bourdieu P. Choses dites. Paris, Minuit, 1987 [Russ. ed.: Burd'e P. Nachala. Moscow, Socio-Logos Publ., 1994, 288 p.].

3. Socioanaliz P'era Burd'e [Pierre Bourdieu's Socioanalysis]. *Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj Akademii nauk*. Moscow, Institut jeksperimental'noj sociologii Publ.; Saint-Petersburg, Aletejja Publ., 2001, 288 p.

4. Giddens A. New rules of sociological method. London, 1976, 196 p.

5. Voprosy social'noj teorii [Questions of social theory]. *Nauchnyj al'manah*, vol. VII, iss.1–2, 2013–2014. *Chelovek kak sub'ekt konstruirovaniya. Institut filosofii RAN*. Ed. by Ju.M. Reznik, M.V. Tlostanova. Moscow, Nezavisimyj institut grazhdanskogo obshhestva Publ., 2015, 288 p.

6. Marks K., Jengel's F. Svjatoe semejstvo, ili Kritika kriticheskoj kritiki. Protiv Bruno Baujera i kompanii [The Holy Family, or critique of critical criticism. Against Bruno Bauer and the company]. Collected ed. 2, vol. 2, Moscow, Politizdat Publ., 1955, pp. 3–230.

7. Reznik Ju.M. Filosofija konstruirovaniya cheloveka: fenomenologicheskij podhod [The philosophy of human design: a phenomenological approach]. *Voprosy social'noj teorii: Nauchnyj al'manah*. Vol. VII. Iss. 1–2, 2013–2014. *Chelovek kak sub'ekt konstruirovaniya. Institut filosofii RAN*. Ed. by Ju.M. Reznik i M.V. Tlostanova. Moscow, Nezavisimyj institut grazhdanskogo obshhestva Publ., 2015, pp. 7–24.

8. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995, 323 p.

9. Luhmann N. «Was ist der Fall?» und «Was steckt dahinter?» Die zwei Soziologien und die Gesellschaftstheorie. Bielefeld, 1993, pp. 4–24. [Russ. ed.: Luman N. «Chto proishodit?» i «Chto za jetim kroetsja?». Dve sociologii i teorii obshhestva. Teoreticheskaja sociologija: Antologija: V 2 ch., Ed. by S.P. Ban'kovskaya. Moscow, Knizhnyj dom «Universitet» Publ., 2002, part 2, pp. 136–151.

10. Luhmann N. Ponjatie obshhestva. Pochemu neobhodima «sistemnaja teorija»? [The concept of society. Why is the "systems theory" required?]. *Problemy teoreticheskaj sociologii*. Ed. by Boronoev A.O. Saint-Petersburg, Petropolis Publ., 1994, pp. 25–42.

11. Sociologicheskie razmyshlenija: Interv'ju s prof. N. Lumanom [Sociological reflections: interview with Prof. N. Luhmann]. *Problemy teoreticheskaj sociologii*. Saint-Petersburg, Petropolis Publ., 1994, pp. 237–238.

12. Shjuc A. Struktura povsednevnogo myshlenija [The structure of everyday thinking]. Socis Publ., 1998, no. 2, pp. 129–137.

13. Istorija usynovlenija v Rossii [The history of adoption in Russia]. Available at: <http://www.usynovite.ru/experience/history/chapter1/> (accessed 30 October 2016).

14. Gojhbarg A.G. Brachnoe, semejnoe i opekunskoe pravo Sovetskoj respubliki [Marriage, family and tutelary law of the Soviet Republic]. Moscow, GIZ Publ., 1920, 164 p.

15. Kaz'mina O.E., Pushkarjova N.L. Brak v sovetskoj i postsovetskoj Rossii [Marriage in Soviet and post-Soviet Russia]. Semejnye uzy. Modeli dlja sborki. Kniga 1. Ed. by S.A. Ushakin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, pp. 185–218.

16. Burzhuaznaja sociologija na ishode XX veka: Kritika novejsih tendencij [Bourgeois sociology at the end of the twentieth century: the latest trends criticism]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 279 p.

Получено 03.11.2016

G.S. Pak, E.B. Khodyreva

ADOPTION AS CONSTRUCTION OF SOCIAL RELATIONSHIP: THEORETICAL APPROACHES

The article proves the necessity of distinguishing between biological and social relationship in a sociological study of such phenomenon as adoption. The degree of biological and social relationship identity appears a criterion for successful adoption. As adoption is a complex multidimensional phenomenon, the difficulty of its analysis is determined by the need of finding an appropriate integrative methodology. The paper presents critical analysis of the existing theoretical approaches in sociology, which are able to reflect the duality of social life as the dialectics of the objective and the subjective. The analysis makes it possible to identify a common methodological basis, which lies in the idea that the society is created by humans and their activity. The difference between the activity and constructivist approaches lies in the field of goal and sense. The authors prove the effectiveness of the constructivist approach as proposed by P. Bergman and T. Luckmann in the study of the phenomenon of adoption. The idea of adoption arises on the basis of an average person's knowledge, and has a concrete historical character. The adoption institutionalization is established within a certain symbolic universe. The adoption institution transformations as well as changes in the essence of adoption as daily practice are determined by the redefinition of the reality and the changes of the symbolic universe. In pre-revolutionary Russia an illegitimate child had no rights and protection by law, whereas the Soviet authorities recognized its full citizenship. Thus, the constructivist approach makes it possible to see what adoption is today and what lies behind this phenomenon.

Keywords: adoption, biological and social relationship, activist and constructivist approaches, sociology of knowledge, adoption as a daily practice, institutionalization of adoption, adoption institution transformation and social practices' change.

Galina S. Pak – Professor of Social Philosophy, Dept. of Social Philosophy, University of Nizhny Novgorod, email: galinapak5@gmail.com.

Elena B. Khodyreva – Graduate Student, Dept. of Sociology and Social Work, University of Nizhny Novgorod, email: hodyreva.elena2012@yandex.ru.